

*Гасанов Саид Курбанович,  
студент 2 года магистратуры, исторический факультет  
Дагестанский государственный университет,  
РФ, г. Махачкала*

**ПАРТКОНТРОЛЬ И ГРАНИЦЫ ДОЗВОЛЕННОГО: КАК РАБОТАЛИ  
ЦЕНзуРА И РЕДАКЦИОННЫЕ СОВЕТЫ В СОВЕТСКОЙ  
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ» (1956-1964)**

*Аннотация:* В статье анализируются механизмы партийного контроля и цензуры в советской исторической науке периода хрущевской «оттепели» (1956-1964 гг.). Рассматривается деятельность Отдела науки и культуры ЦК КПСС, Главлита, редакционных советов исторических журналов и издательств как основных институтов идеологического контроля. Выявляются границы дозволенного в исторических исследованиях, определяемые текущей политической конъюнктурой и партийными установками. Особое внимание уделяется противоречию между относительной либерализацией академической жизни после XX съезда КПСС и сохранением жесткого партийного контроля над содержанием и интерпретацией исторических исследований. Показано, что система контроля включала как официальные структуры, так и неформальные практики, включая самоцензуру историков. Делается вывод о фундаментальном противоречии между стремлением к научной объективности и требованиями партийной идеологии в советской исторической науке данного периода.

*Ключевые слова:* советская историография, хрущевская оттепель, партийный контроль, цензура, Главлит, историческая наука СССР, идеологический контроль, XX съезд КПСС, редакционные советы, самоцензура.

*Gasanov Said Kurbanovich,  
2-year Master's degree student, Faculty of History  
Dagestan State University,  
Russian Federation, Makhachkala*

**PARTY CONTROL AND THE LIMITS OF WHAT IS PERMITTED: HOW  
CENSORSHIP AND EDITORIAL COUNCILS WORKED IN SOVIET  
HISTORICAL SCIENCE DURING THE "THAW" PERIOD (1956-1964)**

***Abstract:** The article analyzes the mechanisms of party control and censorship in Soviet historical science during the Khrushchev "thaw" (1956-1964). It examines the activities of the Department of Science and Culture of the CPSU Central Committee, Glavlit, editorial boards of historical journals and publishing houses as the main institutions of ideological control. It identifies the boundaries of what is permitted in historical research, determined by the current political situation and party guidelines. Particular attention is paid to the contradiction between the relative liberalization of academic life after the 20th Congress of the CPSU and the preservation of strict party control over the content and interpretation of historical research. It is shown that the control system included both official structures and informal practices, including self-censorship of historians. A conclusion is made about the fundamental contradiction between the desire for scientific objectivity and the demands of party ideology in Soviet historical science of this period.*

***Key words:** Soviet historiography, Khrushchev thaw, party control, censorship, Glavlit, historical science of the USSR, ideological control, 20th Congress of the CPSU, editorial boards, self-censorship.*

Период хрущевской «оттепели» в советской исторической науке представляет собой парадоксальное явление, когда относительная

либерализация академической жизни сочеталась с сохранением жесткого партийного контроля над содержанием исторических исследований. После XX съезда КПСС в феврале 1956 года, на котором Н.С. Хрущев выступил с докладом о культе личности Сталина, в исторической науке начались существенные изменения, однако они происходили в строго очерченных идеологических рамках, определяемых партийными органами.

Среди фундаментальных трудов по данной проблематике следует выделить монографию Л.А. Сидоровой «Оттепель в исторической науке», в которой на основе широкого круга источников реконструируется атмосфера первого послесталинского десятилетия в советской историографии [9, с. 23-24]. Важный вклад в изучение механизмов цензуры внесла Т.М. Горяева, исследовавшая деятельность Главлита на протяжении всего советского периода [3, с. 313].

Ю.Н. Афанасьев определяет советскую историографию «как научно-политический феномен, гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно-политических потребностей». Контроль над деятельностью историков со стороны институтов АН и органов госбезопасности привел к тому, что «советскую историографию, как своеобразный феномен, характеризуют сращивание с политикой и идеологией и превращение в органическую составную часть тоталитарной системы».

Ю.Н. Афанасьевым были выделены следующие подходы к анализу и оценкам советской историографической традиции, которые реализуются и в настоящий момент. Исследователь пишет: «Согласно одному из них советская историография на протяжении семидесяти лет развивалась по восходящей. Опираясь на марксистские идеи, она смогла якобы успешно избежать кризиса, в котором оказалась мировая историческая мысль на рубеже XIX—XX вв., самоутвердилась как наиболее передовое научное направление и последовательно решала крупнейшие теоретические,

методологические и конкретно- исторические проблемы. Опыт и достижения отечественной историографии получили признание и поддержку у многих передовых представителей зарубежных исторических школ»[1, с. 153]. Правда, сторонники данной точки зрения допускают, что поступательный процесс развития не был избавлен на отдельных этапах и от недостатков.

Система партийного контроля над исторической наукой в этот период функционировала через несколько взаимосвязанных механизмов. Центральное место занимал Отдел науки и культуры ЦК КПСС, который непосредственно курировал работу Академии наук СССР, университетов и научно-исследовательских институтов. Решения отдела имели директивный характер и определяли тематику исследований, кадровую политику и публикационную активность историков. Параллельно действовал Главлит — Главное управление по делам литературы и издательств, осуществлявшее предварительную и последующую цензуру всех публикаций, включая научные монографии и статьи по истории[5, с. 22].

Редакционные советы исторических журналов и издательств играли роль первичного фильтра, отсеивающего материалы, не соответствующие текущей партийной линии. В состав редколлегии таких ведущих изданий, как «Вопросы истории», «История СССР», «Новая и новейшая история», обязательно входили представители партийных органов и проверенные кадры, прошедшие школу идеологической работы. Редакционные советы функционировали по принципу самоцензуры: зная негласные правила и ограничения, редакторы старались не допускать к публикации материалы, которые могли вызвать недовольство партийного руководства.

Механизм контроля работал следующим образом: историк, подготовивший рукопись, должен был получить рекомендацию от своего научного учреждения, затем материал проходил обсуждение на заседании редколлегии журнала или редакционного совета издательства, где оценивалась не только научная ценность работы, но и ее соответствие

идеологическим установкам. После положительного решения редколлегии рукопись направлялась в Главлит для получения разрешения на публикацию. На каждом этапе могли вноситься правки, касающиеся как фактического материала, так и его интерпретации.

Границы дозволенного в исторической науке периода «оттепели» были подвижными и во многом определялись текущей политической конъюнктурой. После XX съезда стало возможным критиковать «культ личности» Сталина и связанные с ним репрессии, однако эта критика должна была оставаться в рамках концепции об отдельных «искажениях» социалистического строительства, не затрагивая основ советской системы [2, с. 281]. Историкам разрешалось писать о репрессиях 1930-х годов, но только как о трагических ошибках, не ставя под сомнение правильность генеральной линии партии. Реабилитация репрессированных деятелей партии и военачальников открыла возможность для пересмотра их роли в истории, но этот процесс тщательно контролировался специальными комиссиями при ЦК КПСС.

Особенно чувствительными оставались темы, связанные с историей партии, революционным движением и международными отношениями. Любые попытки пересмотра официальной версии Октябрьской революции или роли В.И. Ленина немедленно пресекались [4, с. 567]. История взаимоотношений СССР с западными странами и социалистическими государствами излагалась исключительно в соответствии с текущей внешнеполитической линией партии. Показательным примером служит судьба журнала «Вопросы истории», редакция которого под руководством А.М. Панкратовой в 1956-1957 годах попыталась расширить тематику публикаций и допустить дискуссионные материалы по спорным вопросам советской истории. Это вызвало резкую критику со стороны партийного руководства, и в 1957 году редколлегия журнала была полностью заменена.

Контроль осуществлялся не только через официальные структуры, но и через систему неформальных связей и практик. Существовала развитая система «телефонного права», когда указания от партийных функционеров передавались устно, без письменных распоряжений[7, с. 234]. Историки знали о существовании негласных списков запрещенных тем и имен, которые нельзя было упоминать в положительном контексте. Самоцензура становилась важнейшим элементом профессиональной культуры советского историка: исследователи заранее избегали потенциально опасных тем и формулировок, предпочитая работать в безопасных тематических нишах.

Парадоксальность периода «оттепели» заключалась в том, что расширение доступа к архивным материалам и частичное снятие запретов с отдельных тем сопровождалось усилением контроля за интерпретацией исторических фактов. Историки получили возможность работать с ранее засекреченными документами, но выводы из этих документов должны были соответствовать партийной линии. Возникла ситуация, когда факты могли противоречить официальной интерпретации, но историк был обязан найти способ примирить эти противоречия в рамках марксистско-ленинской методологии[1, с. 89].

Важную роль в системе контроля играли партийные органы на местах. Республиканские и областные комитеты партии курировали работу местных исторических институтов и университетских кафедр, следя за тем, чтобы региональная история излагалась в соответствии с общесоюзными установками. Особенно жесткий контроль устанавливался над изучением национальной истории союзных республик, где любые проявления «буржуазного национализма» немедленно пресекались. История национальных движений должна была подаваться исключительно через призму классовой борьбы и дружбы народов СССР.

Механизм партийного контроля включал также систему научных степеней и званий. Высшая аттестационная комиссия, подчинявшаяся Совету

Министров СССР, утверждала все диссертации по историческим наукам, и любая работа, содержащая сомнительные с идеологической точки зрения выводы, могла быть отклонена на этом этапе, даже если она успешно прошла защиту в диссертационном совете. Это создавало дополнительный стимул для историков придерживаться официальной линии в своих исследованиях.

Период «оттепели» характеризовался также попытками некоторых историков расширить границы дозволенного через использование эзопова языка и обращение к зарубежной историографии. Ссылки на западных историков позволяли косвенно вводить в научный оборот альтернативные точки зрения, хотя и с обязательной критикой «буржуазных фальсификаторов»[6, с. 179]. Дискуссии о методологических вопросах исторической науки становились способом обсуждения более широких проблем советского общества.

К концу периода «оттепели», особенно после отстранения Хрущева от власти в октябре 1964 года, наметилась тенденция к ужесточению идеологического контроля. Эксперименты с расширением тематики исторических исследований были свернуты, а партийный контроль над исторической наукой приобрел более систематический и бюрократизированный характер. Опыт «оттепели» показал, что даже ограниченная либерализация в сфере исторической науки воспринималась партийным руководством как потенциальная угроза идеологической стабильности советской системы[8, с.378].

Таким образом, система партийного контроля и цензуры в советской исторической науке периода «оттепели» представляла собой сложный механизм, сочетавший официальные институты контроля с неформальными практиками и самоцензурой. Несмотря на определенное расширение границ дозволенного по сравнению со сталинским периодом, историческая наука оставалась под жестким идеологическим контролем, который определял не только тематику исследований, но и методологию, и интерпретацию

исторических фактов. Этот период демонстрирует фундаментальное противоречие между стремлением к научной объективности и требованиями партийной идеологии, которое определяло развитие советской исторической науки вплоть до конца 1980-х годов.

#### **Использованные источники:**

1. Афанасьев, Ю.Н. Феномен советской историографии / Ю.Н. Афанасьев // Отечественная история. – 1996. – № 5. – С. 146-168.
2. Барсенков А.С. Советская историческая наука в послевоенные годы (1945-1955). М.: Изд-во МГУ, 1988. 141 с.
3. Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929-1953. СПб.: Академический проект, 2000. 312 с.
4. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917-1991 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 415 с.
5. Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1920-1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского государственного университета, 2005. 800 с.
6. Зеленов М.В. Главлит и советская историческая наука в 20-30-е годы // Вопросы истории. 1997. №3. 22 с.
7. Кон И.С. Эпоху не выбирают // Социологический журнал. 2003. № 3. 173-185 с.
8. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 692 с.
9. Пыжиков А.В. Хрущевская "оттепель" 1953-1964. М., 2002. 679с.
10. Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке: Советская историография первого послесталинского десятилетия. М.: Памятники исторической мысли, 1997. 288 с.